

УДК 94:283.5(437)“1969/1989”

Э. Г. Задорожнюк

СЛОВАККИЕ КАТОЛИКИ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПОСЛЕАВГУСТОВСКОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ. 1969–1989 гг.¹

Анализируются взаимоотношения чехословацкого государства и церкви в Словакии в период нормализации. Первое послеавгустовское десятилетие (1969-1979 гг.) ознаменовалось формированием линий протестного течения, на ведущие позиции в котором выходила религиозная составляющая, в первую очередь организация структур «тайной» церкви, противостоявшая патронировавшемуся государством Объединению католического духовенства Пацем ин Террис (ОКД ПиТ). В полной мере это противостояние проявилось уже в следующем десятилетии (1979-1989 гг.) истории протестных течений в Словакии.

Ключевые слова: Словакия, «тайная» церковь, Объединение католического духовенства Пацем ин Террис (ПиТ), гражданское общество, протестные настроения, оппозиционное движение, «параллельное общество», Хартия 77.

25 марта 1988 г. в Братиславе произошло знаменательное событие, указавшее на неизбежность крушения «режима нормализации» в Чехословакии – мирное шествие католиков, или «демонстрация со свечами». В ее ходе в окрестностях площади Гвездослава собралось почти десять тысяч человек; в знак молчаливой солидарности с требованием религиозных и гражданских свобод они в течение тридцати минут держали в руках зажженные свечи, сопротивляясь натиску милиции и сотрудников органов госбезопасности. Один из организаторов этой акции – адвокат Я. Чарногурский, еще раньше лишившийся возможности работать по специальности за защиту диссидентов, а в дальнейшем ставший одним из лидеров «нежной» революции в Словакии.

В отличие от массовых паломничеств к святым местам в Словакии², которые приходилось «терпеть» не только «режиму нормализации», но еще ранее – властям послефевральской Чехословакии, эта демонстрация вызвала острую реакцию со стороны государства и обвинения в том, что ее организаторы – приверженцы «тайной» церкви – связаны с антигосударственными, в основном клерикальными силами в стране и за рубежом. «Демонстрация со свечами» показала: церковь стремится влиять на политическую ситуацию в стране и привести к крушению «режима нормализации», который и наступил менее чем через полтора года спустя. В данной статье рассматривается предыстория этого противостояния с целью найти ответ на вопрос, почему большинство верующих в Словакии, причем не только католиков (и даже не только верующих), поддерживали «тайную» церковь, становившуюся явной политической силой в ходе послеавгустовского двадцатилетия.

В Словакии практически сразу после крушения Пражской весны (21 августа 1968 г.), в отличие от Чехии, на первый план вышла религиозная составляющая протестных настроений. Она сохраняла преемственность с антикоммунистически ориентированным движением словацких католиков конца 1940-х – первой половины 1960-х годов, но одновременно приобрела новые черты. Одной из важных конфликтных линий в Словакии с начала 1970-х годов явилось противостояние структур «тайной» церкви и патронировавшегося государством Объединения католического духовенства Пацем ин Террис (ОКД ПиТ) (Мир на Земле). Эти структуры в чем-то отражали и происходившее на более высоком уровне противостояние «режима нормализации» и провакански настроенных кругов римско-католической церкви в Словакии.

Можно утверждать, что в первые годы постоккупационного десятилетия шкала протестных проявлений в Словакии была более широкой по сравнению с Чешскими Землями как раз благодаря «повседневному сопротивлению» – то есть созданию горизонтальных форм коммуникации и организации – структур «тайной» церкви.

Реальная угроза объединения светских и религиозных инакомыслящих не могла не встревожить новые власти, опасавшиеся выхода либерализовавшейся в период Пражской весны деятельности католиков за рамки государственного контроля. В первый послеавгустовский год голоса недовольных продолжали звучать, не ограничиваясь сферой религиозной жизни и приобретая порой гражданский смысл. В сентябре 1969 г., спустя год после ввода в Чехословакию войск стран Варшавского договора, «Католическая газета» («Katolícke noviny») опубликовала подборку материалов, в которых отражалась позиция верующих относительно идей Пражской весны. «Мы хотим, – подчеркивалось в одном из них, – участвовать в строительстве не какого-нибудь социализма, а в построении социализма демократического (выделено мной. – Э.З.), который будет поставлен на службу всем, а не только горстке избранных. Этот

¹ Исследование выполнено в рамках программы ОИФН «Нации и государство в мировой истории».

² В марте 1986 г. в Шапшине (около 50 тыс. верующих), в июле в Левоче (около 250 тыс.) и Габолтове (около 100 тыс.). В ответ на провозглашение папой Иоанном Павлом II Марьянского года (7 июня 1987 г. – 15 августа 1988 г.) паломничества стали приобретать и политический подтекст; завершило его шествие верующих 13-14 августа 1988 г. в Нитре.

демократический социализм, соответствующий плюралистическому составу нашего общества, должен обеспечить в с е права в с е м гражданам (выделено в оригинале. – Э.З.)» [1, l.450]. Не менее интересны и другие мнения верующих, поддерживавших идеи Пражской весны: «Однозначно: мы поддерживаем Дубчека не потому, что это дань моде, а потому, что в завершении его процесса возрождения мы видим и для себя возможность как граждан и как верующих развиваться и жить... То, что завершилось у нас в эти дни и все, что связано с именем Александра Дубчека, – это только первое действие» [1, l.468].

Не случайно поэтому начавшийся период нормализации, затронувший не в последнюю очередь и религиозную сферу, вызывал у верующих чувство тревоги. «Мы ожидали, – с горечью констатировалось ими, – что вслед за устранением несправедливостей и деформаций из гражданской жизни, точно так же они будут устранены и из жизни религиозной, где деформаций было не меньше, чем в других сферах.... А что произошло? До сих пор почти ничего не реализовано из предъявленных требований католической церкви в Словакии. Вместо того, чтобы покончить с деформациями, постепенно ликвидируются даже те незначительные завоевания, которые католики получили в ходе процесса возрождения... Вот почему мы задаем вопрос: Кто заинтересован в том, чтобы католики, столь искренне протянувшие руки для сотрудничества, снова вернулись в положение молчащей церкви?» [1, l.466].

Следует подчеркнуть, что, воспользовавшись либеральными веяниями периода Пражской весны, римско-католическая церковь, значительно усилила свои позиции в Словакии, стремясь упрочить важнейший элемент словацкой идентичности – религию¹. Действительно, к 1968 г. в отношении государства и религии появились некоторые сдвиги с признанием более широких прав для церкви и верующих. В частности, в более широких форматах разрешались уроки Закона Божьего, генеральный прокурор Чехословакии констатировал, что церковные ордена были ликвидированы не по закону, поэтому их активность не сдерживалась, чем воспользовались, к примеру, доминиканцы и францисканцы. Полученная церковниками в период Пражской весны относительная свобода позволила добиться не только ограничения активности созданной еще в 1951 г. прогосударственной структуры Движения католического духовенства за мир (ДКДМ), но и ее ликвидации.

Приступившие к «нормализации» религиозной жизни в стране, власти добивались воссоздания прогосударственного движения в рамках католической церкви в качестве союзника для реализации своей политики в этой сфере. Объединение католического духовенства Пацем ин Террис – ОКД ПиТ [подробнее см.: 3] – так стало называться движение лояльных государству католических священников – организовалось в 1971 г. ОКД ПиТ явилось не только преемником прогосударственного ДКДМ (1951-1968 гг.) [см.: 4-6] с аналогичными задачами и функциями, оно должно было выступать и в роли проводника политики «режима нормализации».

Лукавым свидетельством того, что это движение было «нормальным», явилось то, что ОКД ПиТ получило название в память торжественной энциклики папы Иоанна XXIII (1958-1963). В 1961 г. он сформулировал в виде пожелания четыре относившихся к сфере прав человека требования: право на активное творческое участие трудящихся в деятельности, собственности, прибылях и в управлении производством. В 1963 г., в своей следующей социальной энциклике «Пацем ин Террис», Иоанн XXIII попытался соотнести уже существовавший светский каталог прав человека с христианским учением. Поддержка ОКД ПиТ политического курса «режима нормализации» должна была стать свидетельством отсутствия в ЧССР религиозных преследований. Под контроль ОКД ПиТ перешли Чешское католическое благотворительное общество, а также вся разрешенная государством католическая пресса и католическая литература.

Новое движение организовалось на учредительном съезде 31 августа 1971 г., который прошел одновременно в Праге и Братиславе, поскольку ОКД-ПиТ придавался федеральный статус, разделявший его на чешскую и словацкую части. На начальном этапе своей деятельности ОКД ПиТ объединял около 1/3 чешских и 1/4 словацких священников. Максимальный приток в ОКД ПиТ зарегистрирован в 1973 г., когда в Чешских Землях его членами стали 726 (37%) [1, l.76]; в Словакии же – 350 католических священников, то есть практически в два раза меньше. Остальные или занимались традиционной церковной практикой, или стремились по-своему трактовать способы установления мира на земле, а также организовывать религиозную жизнь в условиях нормализации, не считаясь с режимом. В 1975 г. в работе очередного съезда ОКД ПиТ принимали участие все епископы, включая Ф. Томашека. Однако в том же 1975 г. против движения выступили верующие-католики, распространявшие листовку, в которой ОКД ПиТ названо «ликвидатором церкви».

Восшествие на престол в 1978 г. папы Иоанна Павла II принципиально изменило положение ОКД-ПиТ: он изначально продемонстрировал резко отрицательное к нему отношение, проигнорировав поступившее от словацкого католического объединения приветствие по случаю своего избрания, а затем в ряде проповедей давая понять, что данная структура не имеет права на существование. Воодушевленные тем, что Святой

¹ В современной Словакии 60,3% населения относят себя к римско-католической церкви, 6,2 – к словацкой евангелической, 3,4 – к греко-католической, 1,6 – к реформатской, 0,2 – к другим евангелическим, 0,7% – к православной. В Чехии – к римско-католической церкви относятся 39,2% верующих, протестантов – 14,6, православных – 3, а атеистов – 29,8%. См.: [2, с.128,155]. Примерно такое же соотношение было и в годы нормализации.

престол стал проводить более жесткую политику в отношении католиков, принявших «режим нормализации», многие священники во главе с кардиналом Томашеком высказались за запрещение ОҚД ПИТ¹.

Все же в Словакии основным оппонентом ОҚД ПИТ стали не столько привлечшие всеобщее внимание и находящиеся в положении явных протестующих некоторые высшие иерархи, сколько структуры «тайной» церкви. Естественно, противостояния между ними быть не могло – в отношении «тайной» церкви церковная верхушка римско-католической церкви во главе с Томашеком придерживалась линии на ее поддержку.

Тем самым уже в первый послеавгустовский период государство в контексте проводившейся им политики «нормализации» взяло жесткий курс на подчинение своему контролю деятельность римско-католической церкви, издавая в этой связи различного рода инструкции, директивы и постановления. Так, еще 30 сентября 1970 г. Министерство внутренних дел ЧССР разработало новые «Директивы по выявлению враждебных лиц», к которым причислялись, в частности «реакционные представители и идеологи церковной иерархии, Дела соборного обновления, тайных орденов, сект и движения мирян» [8]. Следовательно, «режим нормализации» внес уточнения в определения категории лиц и структур, которые безоговорочно и бескомпромиссно вытеснялись на противоположную сторону баррикады – в ранг его врагов. Как можно заметить, в документе отсутствует термин «тайная» церковь, однако перечислявшиеся выделенные в нем в качестве запретных «тайные ордена» как раз и являлись одной из основных составных частей «тайной» церкви. Уже в следующем году в документах этот термин появился, равно как и был признан (хотя и без достаточной четкости) факт ее противостояния ОҚД ПИТ.

Итак, сразу же после подавления Пражской весны деятельность церкви снова стала подвергаться жесткому регламенту и контролю со стороны специально созданных с этой целью надзорных органов. Религия же вынужденно перемещалась в частные дома, куда государству сложнее было вторгаться. Там, равно как и в других местах вне церковной ограды, и произошло воссоздание «тайной» церкви – религиозных структур с сохранением линии на их оппозиционность государству. Словацкий католический религиозный деятель Ф. Миклошко, предложил следующее ее определение: «Небольшие группы людей украдкой собирались на квартирах, ездили вместе на отдых в горы и леса, чтобы говорить о вере и Боге. Нередко с ними были священники, рукоположенные тайно, или же те, кому власть не позволила по причине неблагонадежности работать в приходе, или же те, кто пока еще работал, но за такого рода встречи с пастором вне стен церкви мог лишиться возможности проповедовать с кафедры... К тайной церкви относилось все, за что грозили преследования: увольнение с работы, лишение пастырского разрешения, тюрьма. Это означает, что тайная церковь в строгом смысле слова была повсюду. Часто духовные упражнения украдкой проводились в приходских церквях, их проводили приходские священники, на нелегальные встречи тоже нередко приходили обычные приходские священники. Все эти слои пересекались, и в этом была огромная сила тайной церкви в Словакии» [10, s.81].

Ведущие представители «тайной» церкви по видимости не разрешали ее активистам заниматься политической деятельностью, а кардинал Ян Хризостом Корец (тайно рукоположен в сан епископа в 1951 г.) отстаивал тезис: «У нас могут отнять все, но не малые общины» [9]. По сути же, «малые общины» можно трактовать как зародыши «параллельных» структур в словацком обществе; они занимались тем, что позднее получило наименование «неполитической политики». Так, уже в первой половине 1970-х годов в среде приверженцев «тайной» церкви появились требования освобождения религиозных политзаключенных, отмены церковных законов, в самиздатах стала распространяться информация об арестах христиан в прошлом, наметился и сдвиг от сугубо религиозной тематики к критике существовавших отношений в государстве. Хотя критика эта была умеренной, значимость ее заключалась в гораздо большем количестве слушателей, а также в том, что она зачастую высказывалась публично. Анализируя такого рода активность, Я. Черногурский отмечал: «В ночных программах паломничеств «тайная» церковь перестает быть тайной и перед аппаратами и видеокамерами тайной полиции обращается к тысячам и десяткам тысяч паломников. Эта способность католической церкви выдержать давление режима, приспособить свои формы к меняющимся общественным условиям и укреплять свое влияние в обществе, отличает ее от светских организаций, которые не выдерживали прессинга, прекращали свое существование либо же подчинялись режиму» [10, s.93].

«Тайная» церковь не претендовала на презентацию всего католицизма, но и лояльному ОҚД ПИТ она также не могла этого позволить. Когда в 1973 г., после очередного компромисса с Ватиканом, был рукоположен в сан епископа глава ОҚД ПИТ священник Й. Врана, ее радикальные приверженцы утверждали, что он благословляет не крестом, а серпом и молотом – и уж в любом случае не выражает настроений всех католиков.

В целом официальная церковь в Словакии разрабатывала свою стратегию отношений с государством, занимая выжидательную позицию и не вступая в явную конфронтацию. «В этом смысле, – отмечает

¹ 20-21 октября 1980 г. 94 богослова братиславского теологического факультета объявили голодовку с требованием прекратить вмешательство как ОҚД ПИТ, так и государства в дела факультета. Словацкие епископы поначалу сдержанно отнеслись к акции протеста, но когда нескольких богословов исключили из учебного заведения, они поддержали пострадавших. В декабре 1980 г. Святой престол поручил чехословацким ординариям, чтобы они от движения дистанцировались [подробнее см.: 7].

Миклошко, – я слышал, но у меня нет тому подтверждений, что [словацкий] кардинал Томко ставил и, на мой взгляд, он делал это правильно, акцент на официальной церкви. Ведь официальная церковь – это 2800 приходов, в которых были священники; и хотя были они разными, но они давали церкви этот фундамент – святость. Это нельзя недооценивать, так как там люди крестились, осуществляли катехизацию, первое святое причастие, конфирмацию, свадьбы, помазание – из поколения в поколение. Этого тайная церковь не в состоянии была охватить. То, что, на мой взгляд, можно считать ключевым в Словакии – это контраст. Здесь звучали радикальные голоса, которые не позволяли официальной церкви заходить слишком далеко. Благодаря катакомбной церкви у нас официальная церковь никогда далеко не заходила...» [9].

Данное и ряд других оценочных мнений выявляет парадоксальную ситуацию: голос будущего чешского кардинала Томашека звучал громче – хотя за ним труднее было обнаружить и мирян, голос же словацкого кардинала Томека звучал тише, но обладал не меньшей весомостью, поскольку он прислушивался к тому, что говорилось «тайной» церковью. Она же имела за собой мощный тыл верующих, хотя ее представители отказывались от термина гражданская инициатива. Они утверждали, что являются объединением верующих, которое добивается соблюдения религиозных прав верующих граждан и не стремятся заниматься политической деятельностью. «Однако, – как оказалось, режим все же причислил их к гражданским инициативам и реагировал на них столь же оперативно, как и на какую-либо другую оппозиционную деятельность. Он не принял ограниченности их сферы деятельности исключительно борьбой за религиозные свободы, за назначения на епископские престолы и др.» [11, с.381], – подчеркивал М. Кусы.

Как уже отмечалось, внимание ко всем составляющим сферам деятельности «тайной» церкви государство начало проявлять с самого начала 1970-х годов. Ситуация прессинга со стороны «режима нормализации» фиксировалась разветвленной сетью государственных надзорных органов, в том числе созданных на местах – отделах культуры при местных органах власти – районных и краевых национальных комитетах. Они составляли регулярные отчеты о ситуации в районах и краях, которые поступали затем в Комитет по делам религии при Министерстве культуры Словакии.

Проходившие в рассматриваемый период в Словакии события отражены в архивных документах, свидетельствующих о том, как постепенно сужалась сфера активности церкви с помощью предпринимавшихся государством мер. Так, в архиве Секретариата правительства ССР по делам церкви при Министерстве культуры Словакии [12, l.383-384] хранится корпус такого рода документов регионального характера. В «Отчете о положении в церковной сфере в Восточнословацком крае» от 20 апреля 1971 г. констатируется, что в предшествующий период церкви, и в первую очередь римско-католическая, существенно упрочили свои позиции в восточной Словакии. Она использовала то обстоятельство, что внимание государственных и партийных органов после крушения Пражской весны вынужденно концентрировалось на решении других проблем [13, l.4-5]. Ситуация складывалась таким образом, что данная активность стала выходить из-под идеологического контроля властей края, чего, по их убеждению, допускать категорически нельзя. «В настоящее время, – говорится в документе, – церковь пытается сохранить завоеванные ею позиции. Постепенная консолидация в партии и обществе позволяет партийным и государственным органам уделять решению церковно-политических проблем повышенное внимание и перейти от оборонительной позиции к наступлению в идеологической и политической борьбе» [13, l.4].

Римско-католическое духовенство, как подчеркивается в документе, «учитывает, что за ним идут массы верующих, и полагает, что кризис в нашем обществе будет продолжаться. С этим связано его стремление привлечь тех граждан, которые из-за своей деятельности в 1968-1969 гг. были ущемлены политически, в частности те, кого исключили из компартии. Более того, духовенством распространяется лозунг: “И коммунист может быть хорошим католиком”. Римско-католическая церковь основывается на предположении, что жесткий курс государственных органов в церковно-политической сфере будет носить временный характер и что в дальнейшем более либеральный подход к религии неизбежен». Для предотвращения подобного рода неблагоприятного для «режима нормализации» хода событий документом ставится цель интенсификации процесса дифференциации в церкви с ориентацией на поддержку прогосударственных католических структур. «Те клирики, – отмечается в документе, – которые были включены в Движение католического духовенства за мир, были лояльными по отношению к социалистическому государству, снова пытаются добиваться возрождения своего движения.... Однако стремления этой группы наталкиваются на сопротивление того духовенства, которые охватывается Делом соборного обновления (ДСО)» [13, l.5].

В словацкой историографии деятельность «тайной» церкви дифференцируется по ряду направлений. Так, в частности, выделяются следующие ее сферы: малые общины; самиздат; распространение запрещенной литературы; солидарность с заключенными; организация религиозных паломничеств; организация подписных акций; манифестационные требования соблюдения своих прав; передача информации посредством западного радиовещания. Для первой половины 1970-х годов, то есть до создания Хартии 77, годов наиболее значимыми оказались первые два направления.

К середине 1970-х годов малые общины в ходе неопубликованной деятельности церкви объединяли детей, молодежь, семьи и священников. Это были встречи 7-12 человек в недельном или двухнедельном интервале. «Если отвлекся, – пишет словацкий исследователь Я. Шимульчик, – от религиозного

содержания малых общин, можно сказать, что это были встречи людей, которые даже вопреки страху, который господствовал в обществе, нашли мужество регулярно встречаться и обмениваться взглядами на реальность, в которой они жили. Именно эти встречи формировали пространство свободы, солидарности и доверия. Они создавали реальные, хотя и небольшие по масштабам островки свободы. Наряду с личным вкладом – в этом несомненно их самый большой вклад – они имели для общества важный, хотя и не столь уж количественно выраженный масштаб, формирование осознанности личной свободы» [14, s.9]. Тем самым отдельные представители словацкого общества осознавали, что они в борьбе за свои права не одиноки, тем более, что между малыми общинами постепенно налаживались связи.

Я. Шимульчик отмечает, что количество охватывавшихся малыми общинами верующих в течение послеавгустовского двадцатилетия не превышало пятизначного числа. Действительно, применительно к общей численности населения это немного, но в период, когда все общественные активности контролировались центром и любое отклонение наказывалось, можно говорить о происходившем в обществе значимом и важном внутреннем процессе [14, s.9]. Согласно Я. Чарногурскому, «малые общины не являются никакой тайной армией, ожидающей “дня X”. Это не политическое движение за свержение коммунистического режима. Это сеть людей, которые в обществе, базирующемся в течение 40 лет на коммунистическом фундаменте, столь же длительное время поддерживали живые этические нормы христианства» [10, s.82].

Для потребностей малых общин возникал и самиздат, начинавшийся с переписывания книг и рукописей религиозного характера. Первый самиздатский журнал в Словакии «Ориентация» (Orientácia) тиражом 20 экземпляров готовили для себя священники Спишского епископства уже с 1973 года. В нем публиковались в первую очередь тексты богословской и философской направленности, принадлежавшие как отечественным, так и зарубежным авторам [9]¹.

Попытки организовать религиозную оппозицию привлекли внимание руководства как католической церкви, так и «режима нормализации». Как уже отмечалось, внимание с его стороны к «тайной» церкви обозначилось уже с начала 1970-х годов, с середины же 1970-х годов оно интенсифицировалось и одновременно заострилось политически. Так, в одном из материалов Комитета по делам церкви в Словакии, посвященном анализу отношений ЧССР и Ватикана, отмечалось: «По отношению к ЧССР в восточной церковной политике Ватикана можно выделить несколько целей: Ватикан по-своему хочет рассчитаться с периодом борьбы церкви за политико-властные цели с народно-демократическим государством и с последствиями, вытекающими из этой борьбы. Создание тайной церковной структуры в пятидесятые годы в ЧССР и рукоположение тайных епископов Ватикан хотел бы вменить в вину тогдашней государственной церковной политике Чехословакии... Ватикан якобы вынужденно – чтобы церковь могла существовать – создал тайную церковь. Сегодня признается, что существование двух церковных структур – публичной и нелегальной – в настоящее время ненормальное, но это положение не меняется-де потому, что церковь в Чехословакии еще и в нынешние времена, по его представлениям, не живет в нормальной ситуации. Следовательно, решение этой ненормальной ситуации является, по представлениям Ватикана, делом ЧССР» [17, l.269]².

В документе о заседании регионального ОКД Пит от 13 ноября 1978 г. надежды на устранение «ненормальной ситуации» выражались с чрезмерной рельефностью [18, l.2]. «Заседание показало, – оптимистично утверждалось в информации, – что платформа Пацем ин Террис позволяет реализовать указанные интересы с необходимым политическим эффектом» [18, l.2]. На форуме выступил председатель Палаты национальностей Федерального собрания ЧССР Д. Ганес. Но особое внимание на себя обратил епископ Ю. Габриш из Трнавы, который не ограничился лишь официальными поздравлениями. «Если первая часть его выступления носила объективный исторический характер, то вторая была на грани приемлемости и выражала ожидание, что со стороны чех[ословацкого] государства будет сделано в последующем этапе – после избрания кардинала Войтылы папой – намного больше для устранения ликвидации препятствий, делающих невозможной деятельность церкви в полном объеме» [18, l.3-4], – констатировалось в документе.

Выступление в умеренно-критическом ключе епископа Ю. Габриша, ближайшего сподвижника Я.Х. Кореца, фиксирует несовпадения позиций части католической иерархии с позициями прогосударственного ОКД Пит. Его можно назвать в чем-то модульным для последующих, 1980-х годов, поскольку по нему выстраивались и другие заявления нелояльного по отношению к государству духовенства.

Реакция властей на эти и другие подобного рода позиции получила отражение, в частности, и в протоколе рабочего совещания Секретариата по делам церкви с представителями Краевых национальных комитетов Словакии. Документ датирован 7 ноября 1978 г. и отражает озабоченность «режима нормализации» ситуацией в ряде словацких регионов. В ряду планировавшихся на 1979 г. перед местными органами власти задач предполагалось «элиминировать лаицизацию, концентрировать внимание на

¹ К середине 1980-х годов в Словакии издавалось более десятка католических самиздатских журналов [подробнее см.: 15; 16].

² Документ не датирован, судя по содержанию, он относится к середине 1970-х годов.

деятельности тайной церкви (выделено мной. – Э.З.), больше внимания уделять среднему звену иерархии (капитульные и генеральные викарии)» [19, l.172].

Ставившиеся перед местными органами власти задачи в сфере церковной политики, судя по архивным документам, власти считали крайне необходимыми, тем более, что из ряда словацких областей продолжали поступать сведения, подтверждавшие их обоснованность. Так, в протоколе от 15 января 1979 г. заседания руководства ОКД ПиТ в Долном Смоковце, в котором содержатся сообщения-отчеты о деятельности краевых комитетов ПиТ в Среднесловацком крае, речь шла о «влиянии так называемой тайной церкви, которая дает [верующим] инструкции негативного характера» [18].

К началу 1980-х годов противостояние ОКД ПиТ и «тайной» церкви стало важным фактором, определявшим векторы оппозиционного движения в Словакии в целом. Столь же значима была и активность Хартии 77, выжившей после суда над ее лидерами в конце сентября 1979 г. При этом и структуры «тайной» церкви в Словакии, и хартисты в Чехии подтвердили свой отказ от политики. Но если первые ориентировали свою деятельность на обеспечение прав верующих, то вторые – на защиту прав человека при общей опоре на структуры складывавшегося «параллельного общества» и «неполитическую политику».

Нужно со всей определенностью отметить, что опыт создания в будущем в Чехословакии и других ячеек параллельного общества во многом выстраивался по образцам функционирования словацких малых общин. Это редко признается словацкой и особенно чешской частью оппозиции, но ряд свидетельств все же найти можно. Скажем, уже приводившийся кардиналом Корецем тезис: «У нас могут отнять все, но не малые общины». Комментируя его, Миклошко отмечал: «Это был принцип. Число малых общин должно расти. Можно отнять самиздат, можно схватить и посадить [в тюрьмы] редакцию журнала, но малые общины ликвидировать нельзя» [9]. Не менее значимо в этой связи и свидетельство В. Бенды, который, касаясь протестных течений в Чехословакии, написал удивительные слова о том, что Словакия указала Чехии следующий путь: «Идти на площадь, идти на улицы, и без насилия. Нежная революция рождалась и в этом ненасильственном, по образцу Ганди, протесте братиславской демонстрации. Тогда впервые стала ясна сила прямой нравственной конфронтации» [9].

Тем самым базу для формирования в Словакии контуров будущего гражданского общества в целом создавали неформальные и достаточно массовые движения, и в первую очередь – религиозные. Они послужили зародышами новых политических партий и гражданских инициатив, преобразивших после «нежной» революции словацкий политический ландшафт до неузнаваемости. Одна из заявленных ими целей – обновление церковной жизни, трактованная как возвращение к истокам подлинного христианства, была озвучено еще весной 1968 г. – в рамках Пражской весны, причем озвучена явно. Однако в дальнейшем миссию такого обновления в условиях «режима нормализации» приходилось осуществлять тайно, но от этого не менее продуктивно.

В 1980-е годы противостояние словацких католиков и чехословацкого государства постоянно усиливалось, равно как и входившее в открытую стадию противостояние ОКД ПиТ и «тайной» церкви. С целью консолидации своих рядов ОКД ПиТ провело в октябре 1979 г. национальные съезды в Чехии (г. Градец Кралове) и Словакии (г. Братислава). В феврале 1980 г. в Праге прошел 2-й общегосударственный съезд ОКД ПиТ под лозунгом «Дорогой мира к процветанию церкви и нашей родины». Одной из его задач явилась борьба против негативных оценок папой Иоанном Павлом II этого движения. Функционеры ОКД ПиТ накануне своего съезда подвергались негласным нападкам со стороны «тайной» церкви, их называли разрушителями католицизма, защитниками политических интересов «режима нормализации». В этих условиях важно было не позволить провакански ориентированному духовенству ослабить его влияние, используя при этом аргументы самого Ватикана. «Папа Иоанн Павел II, – говорится в информации о съезде, – давал наставления в беседе с епископами Паштором и Габришем, чтобы представители словацкой иерархии не принимали участия в проводимых Пацем ин террис акциях. Этот факт был известен рядовым священнослужителям, которые не знали, примут ли участие в работе съезда епископы. Поэтому надо положительно оценить, что в общегосударственном съезде приняли участие все католические епископы и капитульные викарии, за исключением кардинала Томашека» [18, l.2]. Тем самым верхушка римско-католической церкви противопоставлялась в документе ее среднему звену, а сам документ создавал видимость, что проблема вовлеченности верующих в жизнь государства может быть решена в положительном для него ключе.

Однако уже в следующем году позиция высшей церковной иерархии в отношении ОКД ПиТ становилась более критичной. Так, выступая перед священниками, кардинал Томашек и епископ Габриш, активно распространяли информацию об отношении Святого престола к ОКД ПиТ, считавшегося им антицерковной организацией проправительственного толка [20, l.75]. В связи с этим словацкие иерархи запрещали участвовать в акциях ОКД ПиТ, а духовенство, в первую очередь молодое, отказывалось от сотрудничества с ним.

Анализируя подобного рода тенденции, Секретариат по делам церкви Словацкой Социалистической Республики, со своей стороны, выработывал следующую стратегию в отношении оппонентов ОКД ПиТ: «Мы должны продемонстрировать, что ни политико-клерикальные силы внутри страны и за рубежом, ни Ватикан не могут рассчитывать на формирование политического монолита из римско-католической церкви против интересов нашего социалистического государства». Данная установка выливалась в конкретные контрмеры властей. Так, Секретариатом предписывалось «провести беседы с кардиналом Томашеком и

трнавским епископом Габришем, поставит их в известность, что чех [ословацкое] государство считает деятельность Пацем ин террис целесообразной и заслуживающей признания, что ЧССР не допустит, чтобы движение, которое поддерживает мирное и созидательное движения нашего народа, недооценивалось и оговаривалось с клерикальных позиций» [20, l.10]. Проведение бесед планировалось на сентябрь 1981 г. и возлагалось на руководителей Секретариатов правительств по делам церкви с предварительной консультацией их содержания в ЦК КПЧ и ЦК КПС. Учитывая, что «кард[инал] Томашек и трнавский епископ Габриш оказывают негативное давление на остальных епископов и ординариев, с каждым лично побеседовать на уровне министров культуры. Объяснить им, что чех[ословацкое] государство не намерено пересматривать принципы церковной политики, включая взаимоотношения с римско-католической церковью, и призвать их, чтобы они не поддавались указанным давлениям и оказывали открытую поддержку патриотически ориентированному духовенству. Далее рекомендовать им открыто выступать с опровержением концепции Томашека и Габриша, которая может привести к обострению отношений между чех[ословацким] государством и римско-католической церковью» [20, l.10].

Подобные предписания оказывали противоположный эффект и лишь активизировали протестные настроения в словацком обществе, включая структуры «тайной» церкви. И она, действительно, нашла еще одну сферу приложения своей деятельности: распространение запрещенной литературы – в основном через Польшу, а затем через Венгрию. По словам Миклошко, «это было чудо: в каждом доме была какая-нибудь книга из Рима. Чудо. Здесь за двадцать лет не напечатали ни одной христианской книжки, а они были всюду. А эти связи с поляками... Все это организовал Владо Юкл. Он был абсолютный гений в этом, он принимал все системные решения. Один приятель, оттуда из Оравы, мне сказал недавно, что он делал записи, и что в общей сложности он принес и на машине вывез одиннадцать тонн книг». Голландцы же привозили литературу в специально приспособленных для этого машинах с двойными стенками и двойным дном и даже хотели построить самолет с беспилотным управлением [20, l.75].

8 марта 1982 г. ватиканская Конгрегация клириков выпустила декрет «*Quidam episcopi*», запрещающий духовенству членство в политических организациях, к которым Святым престолом причислялось и ОКД ПиТ. Кардинал Томашек запретил такое членство в своем архиепископстве, а 1 ноября 1982 г. отказался выдать «Католической газете» («*Katolícke noviny*») церковное благословение. Находившаяся под жестким надзором властей, газета по-прежнему издавалась, считая себя официальной католической прессой, несмотря на протесты со стороны как Святого престола, так и чехословацких, в том числе словацких, иерархов¹.

Но период 1983-1987 гг. явился еще и временем активизации паломничества. При этом данному традиционному для Словакии явлению «режим нормализации» стал придавать политическое значение. Полиция пыталась с помощью запугивания и травли добиться снижения числа словацких паломников. Правда, к 1987 г. после того, как государство несколько смягчило свою позицию, кривая его роста снова, но уже стремительнее поползла вверх: в 1988 г. в паломничествах в Словакии участвовало уже около 700 тыс. чел.

В эти годы недовольство проводившейся «режимом нормализации» политики в сфере церковной жизни начинает приобретать еще одну форму – распространение петиций в поддержку религиозных свобод. Так, появившуюся в 1987 г. петицию против преследования верующих, содержавшую 31 пункт, к началу 1988 г. подписали 5000 чехословацких католиков. Основные требования петиции чешских и словацких верующих: отделение церкви от государства; прекращение государственного вмешательства в церковные дела и др. [21, l.158,167-168]. 15 января 1988 г. кардинал Ф. Томашек подчеркнул, что не только полностью поддержал данную инициативу верующих, но и поставил под петицией свою подпись [21, l.159]. Он напомнил, что неоднократно лично предъявлял «главные требования церкви» государственным органам, но никогда не получал от них ответа. «Если же сейчас, – сказал он, – верующие предъявляют свои требования властям, их должны на соответствующих государственных местах услышать». Кардинал назвал распространение петиции и сбор подписей под нею законными и не противоречащими чехословацкой конституции и другим действующим юридическим нормам акциями, о чем проинформировал государственные и партийные органы. «Сбор подписей еще не завершен, он будет продолжаться», – заявил кардинал.

В Словацком национальном архиве хранятся материалы закрытых заседаний словацкого правительства, на которых рассматривались вопросы, касавшиеся словацких протестных течений, и зафиксирована реакция высших словацких органов власти на эти течения. Так, на заседании правительства ССР, состоявшегося в Братиславе 19 октября 1988 г. (документ с грифом «Только для членов правительства»), отмечалась необходимость «уделять больше внимания вопросам нелегальных структур церкви. Здесь незаменимая роль принадлежит национальным комитетам, которые не должны ждать приказов из центра, из министерства, правительства, но действительно, самостоятельно политически зрелыми, взвешенными методами решать проблемы» [13, l.14]. Все же принимавшиеся «режимом

¹ *Количество священников в ОКД ПиТ неуклонно снижалось; в 1986 г. его членами являлись лишь 29,2% католического духовенства. К тому же ОКД ПиТ так и не добилось получения благословения со стороны церковной иерархии.*

нормализации» меры с целью активизации активности местных органов власти, направленные на пресечение деятельности «тайной» церкви, не приносили ожидаемых результатов.

Начало 1988 г. ознаменовалось обострением позиций Ватикана в отношении статуса католической церкви в странах «социалистического содружества», да и подготовка к празднованию тысячелетия со дня крещения Руси предполагала более уважительное отношение к верующим и их объединениям. Все это вызвало и дальнейшую поляризацию позиций ОКД ПиТ и «тайной» церкви.

Кардинал курии Х.К. Лара, председатель папской Комиссии по интерпретации церковного права, во время своего пребывания в Вене в январе 1988 г. обвинял чехословацкие власти в игнорировании положений церковного права. Он, в частности, заявлял: «Церковь в Чехословакии притесняется. Вмешательство государственных органов в церковные дела в ЧССР противоречат нормам церковного права». Опираясь на государственную власть, государственные органы и в сфере церковной политики начинают поступать так, как «диктатура, которая творит все, что ей заблагорассудится» [21, l.171-172].

Но уже весной 1988 г. манифестация со свечами в Братиславе резко изменила ситуацию в отношениях церкви и государства в Словакии: притесняемая церковь сопротивлялась активнее, что проявлялось не только в выходе на поверхность структур «тайной» церкви. Что касается объединения ОКД ПиТ, то и здесь стали проявляться очаги недовольства политикой «режима нормализации» в церковной сфере. Духовенству в нем, согласно нормам церковного права и в соответствии с указаниями Святого престола, членство запрещалось. Власти же в отношениях к Ватикану заявляли, что они стремятся не только к продолжению контактов, но и к нормализации отношений и достижение реальных результатов в переговорах, но эта добрая воля не встречала адекватных ответов. Причина, по убеждению правящего режима, заключалась в том, что западные СМИ на волне обострения отношений с церковью выпустили более 80 программ, активно организовывали подписную кампанию в поддержку петиции кардинала Томашека и т. д. «Это радикальная ревизия всей церковной политики под угрозой конфронтационной эскалации» [17, l.156], – таков вердикт официальных представителей «режима нормализации».

Попытки проправительственного ОКД ПиТ сгладить углублявшееся противостояние, не допустить поляризации духовенства в рамках самого объединения не приводили к нужному эффекту. На организованном ОКД ПиТ 21-23 июня 1988 г. семинаре затрагивался широкий круг проблем, касавшийся деятельности движения. На нем прозвучали критические нотки в адрес контролировавших деятельность церкви государственных органов. В частности, подчеркивалось, что «государственному управлению не хватает кругозора, его представителям свойственно несоблюдение договоренностей, оно запаздывает». Именно поэтому ничего в сфере государственно-церковных отношений, по словам выступавших на семинаре, не изменилось «несмотря на неоднократно повторявшиеся слова “коль гласность, так гласность”» [20, l.12]. В принципе здесь обсуждались вопросы не первостепенной важности, тем не менее руководителю местного ОКД ПиТ не удалось противостоять выступлениям, нацеленным на подрыв авторитета государственных органов, в ведении которых находилось решение церковных вопросов, несмотря даже на то, что подобного рода обвинения косвенно затрагивали и интересы самого ОКД ПиТ. В итоге, как отмечалось в констатирующей части протокола, ход дискуссии принимал деструктивный и даже хаотический характер. Выступавшие ссылались на многообещающую советскую перестройку, а выступивший в дискуссии секретарь Епископского правления в Кошице д-р Чех, многократно цитируя слово «гласность» подчеркивал, что в «СССР т. Горбачев возвращает назад церкви монастыри и земли, а у наших священников отнимают даже приусадебные участки» [20, l.14].

Правящий режим, встревоженный этими и другими подобного рода сигналами, пытался принимать превентивные меры даже в отношении официальных церковных мероприятий, не носивших политической подоплеки. В информации от 9 июня 1988 г. федерального руководителя Секретариата правительства по делам церкви, направленной в адрес словацкого Секретариата правительства по делам церкви речь шла о необходимости принятия мер в связи с подготовке к запланированному на 11 июня рукоположению в сан новых епископов римско-католической церкви в ЧССР «с целью обеспечения порядка во время проведения данного мероприятия» [13, l.18]. В документе обращалось внимание на «поступающие сигналы о том, что нелегальные структуры стремятся использовать массовые собрания верующих после проведения акта рукоположения с целью публичного предъявления своих требований». Отмечался рост активности мирян, в частности В. Бенды, который «намерен организовать на Градчанской площади манифестацию верующих со скандированием требований. Помимо этого католические активисты планируют провести манифестации – 11.6. с.г. в Брно, 12.8 – в Оломоуце, а 11-12.6 – незапланированное паломничество молодежи к Святым Горам в районе Банской Быстрицы» [13, l.19]. Власти же, в свою очередь, добивались, чтобы религиозные паломничества не выходили за рамки удовлетворения потребностей верующих, а церковь взяла на себя ответственность за их прохождение. Но эта линия оказалась тупиковой, поскольку политизация паломничества становилась необратимой, а со временем таких сигналов становилось все больше. Не помогали и адресованные духовенству католической церкви предостережения, чтобы «ни они, ни верующие не позволяли втянуть себя в поддержку антиобщественных акций» [13, l.19]. В документе фиксировалось стремление внести в ОКД ПиТ раскол, добиться его «внутренней эрозии» с целью дискредитации объединения [20, l.15]. Тем самым во второй половине 1988 г. «усилились попытки нелегальных церковных структур и центров клерикально ориентированных духовных лиц злоупотребить естественным процессом налаживания контактов для реализации клерикально-политических целей по

отношению к чех[ословацкому] государству» [19, l.152]. «Тайная» церковь, инспирировавшая эти попытки, все в большей мере, по убеждению властей, превращалась в реальную политическую силу.

В документе «Отчет о церковно-политической ситуации в Западнорословацком крае в III квартале 1989 г.» представлен анализ положения в церквях и религиозных обществах в западной части Словакии [22, l.1]. О римско-католической церкви в данном словацком регионе прямо говорится, что для нее характерно «стремление широкой активизации духовенства и верующих, а также выдвижение таких проблем в решении отношений между государством и церковью, которые ранее были характерны для деятельности ее нелегальных структур». Термин «тайная» церковь в документе не фигурирует, однако детальное перечисление все чаще звучавших требований (занятие мест епископами в отдельных епархиях, назначение рукоположенного епископа венгерской национальности в трнавской епархии, легализация тайно рукоположенных епископов, разрешение набирать послушниц в женские монашеские ордена, обеспечение достаточного количества религиозной литературы для верующих, строительство новых культовых сооружений и др.) не оставляло никаких сомнений в том, что конкретно именно имелось в виду [22, l.1].

Следующим направлением в активизирующейся деятельности римско-католической церкви в документе названо «стремление завязать как можно более широкие контакты с различными представителями римско-католической церкви за рубежом и отправлять молодых священников в зарубежную учебную стажировку». В качестве фактора, вызывавшего беспокойство у государственных органов, осуществлявших контроль за деятельностью церкви, объявлены тенденции части молодого духовенства игнорировать органы государственного управления и объединяться в выработку оценки проходивших в стране общественно-политических процессов. Так, указывалось в отчете, 4 сентября 1989 г. в приходе в Малацках состоялась встреча 34 представителей молодого духовенства, ставивших перед собой цель теологического объединения молодых священников. Одновременно здесь же прошла и подписная акции за освобождение словацких диссидентов М. Кусы и Я. Чарногурского [22, l.1].

Наблюдалась активизация римско-католической церкви в проведении отдельных церковных торжеств, паломничеств к святым местам, конфирмации, стремление пропагандировать религиозную веру, прибегая к торжественно и пышно красочно оформленным мероприятиям [22, l.1-2] с целью привлечения к церкви молодых людей, чтобы церковь становилась местом притяжения для молодежи. В отдельных выступлениях духовенство призывало к обновлению христианской жизни в духе евангелия: «В этом смысле оно говорит о перестройке христианского образа жизни, обращается к верующим и неверующим, требует более глубокого проникновения в религиозной веры, посещения обрядов и влияния “церкви в малом”, т.е. на семью, в первую очередь на воспитание детей и молодежи».

Далее в отчете констатировалось, что число паломников в 1989 г. в Западной Словакии оставалось примерно на уровне 1988 г. Вместе с тем количество паломников в Нитре было в несколько раз ниже (около 11000 чел.), в Шаштине же преобладающее большинство паломников составляла молодежь, которая участвовала в программе главным образом в вечерние и ночные часы с субботы на воскресенье [22, l.5].

И хотя число паломников не увеличивалось, ситуация существенным образом менялась. В этих условиях трансформировалась и роль ОКД ПиТ: все большее число духовенства и мирских лиц заявляли, что объединение «является инструментом государства и коммунистов, нацеленное на раскол единства церкви и ее ликвидацию» [18, l.2]. В рядах духовенства распространялась информация о том, что государство якобы не нуждается в ОКД ПиТ и может пожертвовать им ради достижения желательных результатов в переговорах с Ватиканом и т.д. [18, l.2].

«Тайная» церковь тем самым становилась явной политической силой еще до «нежной» революции как раз потому, что ее поддерживали массы верующих. Есть основания предполагать: во многом ее доноярбрьская активность стала причиной того, что революция предстала именно как нежная.

В целом к концу 1980-х годов в Словакии располагали массовой базой в первую очередь католическая оппозиция и экологическое движение; меньшим влиянием пользовались хартисты и экс-коммунисты. Следует заметить, что партийный аппарат и репрессивные органы достаточно здраво оценивали эту ситуацию в чем-то выражая удовлетворение, что словаки не в такой мере привлекают внимание в качестве собственно диссидентов. Все же они тем не менее оценивали масштаб активности как достаточно для себя тревожный. Так, пражские власти почти сразу же обеспокоились возможностью объединения разнородных потоков антинормализационного движения. В информации федерального чехословацкого МВД для президиума ЦК Компартии Словакии от 1 марта 1987 г. выделялись новые его тенденции. «В деятельности внутреннего противника, – указывалось в документе, – подчеркивается стремление к объединению и согласованию действий с антисоциалистическими элементами в ССР, в первую очередь с «хартией», и о формировании единой платформы, на которой в ССР могли бы объединиться антисоциалистически ориентированные бывшие члены КПС, представители венгерского национализма и реакционного крыла римско-католической церкви. Цель – формирование более широкой и дееспособной базы для фактической деятельности оппозиции». Нужно сказать, что партийный аппарат и репрессивные органы достаточно здраво оценивали эту ситуацию и в дальнейшем. В чем-то выражая удовлетворение, что словаки не в такой мере привлекают внимание «режима нормализации», они тем не менее достаточно объективно трезво реально оценивали масштаб религиозных движений. В одном из рабочих материалов для ЦК КПС в связи с подготовкой Городской идеологической конференции КПС в Братиславе от 9 августа 1988 г. о

«нелегальних релігійних структурах» в Словачки говорилось следующее: «Имеются в виду структуры, действующие, главным образом, в католической церкви параллельно с церковью легальной. Сами о себе они заявляют, что являются органической составной частью одной и той же церкви, однако формы их влияния разные; она именуют себя тайными, поскольку легальная церковь якобы не имеет достаточного пространства для своей деятельности» [17, l.127].

«В нелегальных релігійних структурах, – підкреслювалось далі в документі, – знаходяться те, хто, вероятно, дозволив втягнути себе в цю діяльність то ли з недостатка знань, то ли по причині відсутності інформації, але вони переконані, що їх діяльність націлена на благо церкви. Однак більшість в цих структурах складають злісні вороги нашого ладу, часто отримують платежі із-за кордону, які хочуть маніпулювати вірою людини, оскільки віруючі складають масову базу для формування потенціальної політичної опозиції (виділено мною. – Э.З.)» [17, l.128].

В подальшому неформальні і достатньо масові рухання, і в першу чергу релігійні, створювали базу для формування в Словачки громадянського суспільства, виступавшого важливим фактором процесу демократизації в країні. Вони послужили зародками нових політичних партій і громадянських ініціатив, перетворивши словацький політичний ландшафт до незрозумілості і припинивши поляризацію сил в католическій церкві.

Аналіз взаємозв'язків чехословацького державства і церкви в Словачки в період нормалізації дозволяє відслідкувати динаміку їх політичного розходження. Перше післяавгустовське десятиліття (1969-1979 гг.) в історії Словачки ознаменувалося формуванням протестного течення, на вівідні позиції в якому виходила релігійна складова. Структури «тайної» церкви, являючись по суті «паралельними» ячеекми суспільства і громадянського суспільства, становилися тем зразком, по якому внаслідок во багатьох вибувала і діяльність Хартії 77. Важно і те, що 1978-1979 гг. стали часом встановлення зв'язків між цими руханнями. Вимога релігійної свободи при цьому вважалася загальною, не менш важливою було і те, що цьому вимогам надавалося все в більшій мірі політичне звучання. В повній мірі во проявилось уже в наступному десятилітті (1979-1989 гг.) історії протестних течій в Словачки.

* *
*

В цілому двадцятилітня історія боротьби за віруючих в Словачки, характеризована протиставленням покровителюваного державством офіційного рухання ОВД ПИТ і неофіційної «тайної» церкви, завершилася крахом першої структури і розпуском другої в ячейках громадянського суспільства, прообразом яких мали місцеві громади в межах «тайної» церкви, власне кажучи, з самого початку і являлися. Роль «тайної» церкви в Словачки потребує в нових оцінках в зв'язку з тим, що подібного роду рухання являлися каталізаторами коренних змін і в інших країнах, наприклад, в ході арабської весни уже в початку ХХІ століття. Навіть складність проведення аналогій між цими руханнями не може перешкодити тому, щоб представити певні результати дослідження опозиційних рухів в Словачки як свого роду згадки про майбутнє.

Источники и литература

1. Slovenský Národný Archív (далее – SNA). – Fond Ministerstvo kultury Slovenské Socialistické Republiky (далее – F. MK SSR). – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 86.
2. Центральноевропейские страны на рубеже XX-XXI веков. – М., 2003.
3. Cuhra J. Nejen ze života církvi: Vznik Sdružení katolických duchovních Pacem in terris / J. Cuhra // Historický obzor. – 1999. – 10 (5/6). – S.128-131.
4. Vaško V. Pátá kolona v církvi / V. Vaško. Praha, 1996.
5. Barnovský M., Pešek J. V zovretí normalizácie. Cirkvi na Slovensku v rokoch 1969-1989 / M. Barnovský, J. Pešek. – Bratislava, 2004.
6. Balík S., Hanuš J. Katolícká cirkev v Československu 1945-1989 / S. Balík, J. Hanuš. – Brno, 2007.
7. Šimulčík J. Zápas o svedomie. Hladovka študentov bohosloveckej fakulty v roku 1980 / J. Šimulčík. – Prešov, 2001.
8. Dílo koncilové obnovy // http://cs.wikipedia.org/w/index.php?title=Dílo_koncilové_obnovy&oldid=6753300.
9. Миклошко Ф. Это чудо, что мы еще живы. Интервью Е. Глушко 6 августа 2010 г. / Франтишек Миклошко // <http://sibcatholic.ru/2010/08/06/frantishek-mikloshko-eto-chudo-chto-my-eshhe-zhivy>.
10. Čarnogurský J. Videné od Dunaja. Výber z prejavov, článkov a rozhovorov / J. Čarnogurský. – Bratislava, 1997.
11. Záznam panelové diskuse na téma Hnutí za lidská a občanská práva v zemích sovětského bloku a pád komunismu // Charta 77. Od obhajoby lidských práv k demokratické revoluci. 1977-1989. Praha, 2007. Sborník z konference k 30. výročí Charty 77. Eds. M. Devátá, J. Suk, O. Tůma.
12. Церковной политикой в Чехословакии руководило Государственное управление по делам церкви – структура в ранге министерства. С 1956 г. его полномочия перешли к Министерству культуры и образования, при котором был создан Отдел по делам церкви, впоследствии преобразованный в Секретариат по делам церкви. После 1969 г. сложилась следующая многоступенчатая структура федеральных государственных органов по руководству церковной политикой в СССР. Ниже приводится ее схема:

В Словакии «режим нормализации» сформировал разветвленную структуру государственных органов по управлению церковной политикой в этой части федерации: правительство ССР → министр культуры → заместитель министра культуры → руководитель Секретариата правительства ССР по делам церкви → Секретариат правительства ССР по делам церкви → (отдел по католической церкви и отдел по некатолической церкви) → секретариат Национального комитета г. Братиславы (НКБ) по делам церкви → секретарь Национального комитета г. Братиславы (НКБ) по делам церкви → Секретариат Краевого национального комитета (КНК) по делам церкви → секретарь Краевого национального комитета (КНК) по делам церкви → секретарь Районного национального комитета (РНК) по делам церкви (SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 101).

13. SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 7.
14. Šimulčík J. Katolícka cirkev a nežná revolúcia 1989 / J. Šimulčík. – Bratislava, 1999.
15. Šimulčík J. Svetlo z podzemia. Z kroniky katolíckeho samizdatu. 1968-1989 / J. Šimulčík. – Prešov, 1997.
16. Lesňák R. Listy z podzemia. Kresťanské samizdaty 1945-1989 / R. Lesňák. – Bratislava, 1998.
17. SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 98.
18. SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 56.
19. SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 1.
20. SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 55.
21. SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 99.

Так, очередные переговоры делегации Ватикана и представителей чехословацкого правительства, начавшиеся в Праге 27 января 1988 г., завершились «без видимых результатов». Главная тема переговоров – взаимоотношения государства и церкви в Чехословакии, в том числе проблема назначения епископов на вакантные места. Делегация Ватикана по-прежнему отказывалась признавать позицию чехословацкой стороны, а атмосфера, в которой проходила встреча, становилась все более «ледяной». Представители «режима нормализации» предлагали своих кандидатов на вакантные епископские места, делегация же Святого престола утверждала, что новые епископы должны пользоваться прежде всего доверием Святого престола, клера и верующих.

22. SNA. – F. MK SSR. – Odbor pre veci cirkevné. Krab. č. 145.

Задорожнюк Е. Г. Словацькі католики і чехословацька держава в післясерпневе двадцятиліття. 1969-1989 рр.

Аналізуються взаємини чехословацької держави і церкви в Словаччині в період нормалізації. Перше післясерпневе десятиліття (1969-1979 рр.) ознаменувалося формуванням ліній протестного характеру, на провідні позиції в якому виходила релігійна складова, у першу чергу організація структур "таємної" церкви, що протистояла Об'єднанню католицького духовенства Пацем ін Терріс (ОКД ПіТ), що патрунувалося державою. Повною мірою це протистояння виявилось вже в наступному десятилітті (1979-1989 рр.) історії протестних течій у Словаччині.

Ключові слова: Словаччина, "таємна" церква, Об'єднання католицького духовенства, Пацем ин Террис (ПіТ), громадянське суспільство, протестні настрої, опозиційний рух, "паралельне суспільство", Хартія 77.

Zadorozhniuk E. G. The Slovak Catholics and Czechoslovakia state during the decade of post-August (1969-1989)

The relations between Czechoslovakia state and the Church in Slovakia in the period of normalization are analyzed. The first decade of post-August (1969-1979 years) was marked by the formation of protest lines, in which in leading position was a religious component, especially the organization structures of "Hidden" Church, opposed to patronized by the State the United Catholic clergy Pacem in Terris. This confrontation was fully manifested in the next decade (1979-1989) of history of protest movements in Slovakia.

Keywords: Slovakia, "secret" Church, Union of Catholic clergy Pacem in Terris Institute, civil society, the protests, the opposition movement, a "parallel society", Charter 77.

УДК 94 (438):327"1989-1993"

О. З. Клочак

ГЛОБАЛЬНА ТРАНСФОРМАЦІЯ ТА ЇЇ ВПЛИВ НА ЗМІНИ ОСНОВНИХ НАПРЯМІВ ЗОВНІШНЬОЇ ПОЛІТИКИ РЕСПУБЛІКИ ПОЛЬЩА ПІСЛЯ 1989 РОКУ

Стаття «Глобальна трансформація та її вплив на зміни основних напрямів зовнішньої політики Республіки Польща після 1989 року» висвітлює основні пріоритети творення нової зовнішньої політики Польщі, її місце в системі міжнародних відносин.

Ключові слова: Республіка Польща, зовнішня політика, міжнародні відносини, глобалізаційні процеси.

Зазвичай, у мирний час, держави такої величини як Польща чи Україна, формують свою зовнішню політику під впливом зовнішніх умов, відтак, безумовно, існує необхідність детального історичного аналізу основних міжнародних факторів, що вплинули на формування новітньої зовнішньої політики, змін її напрямів у нових геостратегічних умовах після 1989 року.

Хоча подібна тематика і має місце в ряді праць українських і польських науковців, однак, цілісного дослідження у вітчизняній історіографії немає, тому для широкого і не заангажованого написання статті автором проаналізовано та використано цілу низку різних за змістом, нормою та характером матеріалів.

На основі комплексного об'єктивного аналізу автор дослідив найбільш важливі міжнародні події, що склалися по закінченні холодної війни, які, власне, і вплинули на формування новітньої польської зовнішньої політики [1], а саме, возз'єднання Німеччини, розпад Східного блоку і Союзу Радянських Соціалістичних Республік (СРСР), прискорення європейської інтеграції та трансформацію Організації Північноатлантичного договору – НАТО (North Atlantic Treaty Organization).

Возз'єднання Німеччини. На самому початку демократичних перемін у Польщі розпочався скоріше мало очікуваний процес швидкого об'єднання Німеччини. Менш ніж за два місяці з моменту сформування уряду Тадеуша Мазовецького через шалений суспільний тиск на владу Німецької Демократичної Республіки (НДР) стосовно відкриття 9 листопада 1989 року кордону із Західним Берліном та Федеративною Республікою Німеччини (ФРН) дійшло до падіння одіозного берлінського муру. Після цієї події процес об'єднання розвивався дуже швидко. Німецькі політики, особливо канцлер ФРН Гельмут Коль, в один голос підкреслювали, що істотним каталізатором для об'єднання двох німецьких держав стала політична перемога руху «Солідарність» в Польщі.

З жовтня 1990 року за згодою (договір має назву «Два плюс чотири») чотирьох держав (Великобританії, Франції, СРСР і США), відповідальних за цілісність Німеччини, у тому числі через їх відмову від прав до Німеччини, відбулося офіційне приєднання східних німецьких земель до ФРН. Вперше в історії єдина німецька держава утворилася у мирний спосіб. Ця подія визначила існуючі зовнішні кордони. Німеччиною було прийнято зобов'язання скоротити свій військовий потенціал та залишатися членом західних структур, НАТО і Європейського співтовариства, що розширилися до західного кордону Польщі. В результаті, у центрі Європи утворилася велика німецька держава, а вектор її майбутньої зовнішньої політики не був у кінцевому рахунку суттєво змінений [2]. Цей факт спричинював нові істотні умови формування польської зовнішньої політики, а також міжнародної політики інших сусідів Німеччини.

Польща, прийнявши мирне возз'єднання Німеччини, була стурбована перш за все тим, щоб нова німецька держава однозначно визнала укладені Потсдамською конференцією 1945 року кордони по річках Одрі і Нисі-Лужицькій. Для польських національних інтересів сумніви щодо цього принципового питання мали серйозне підґрунтя. Відносини із Західною Німеччиною під час холодної війни мали перший невдалий досвід. ФРН відкрито ставила питання про польсько-німецький кордон, а після підписання в грудні 1970